

**ЗАПАДНЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ О ВКЛЮЧЕНИИ РОССИИ В
СИСТЕМУ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ
(Обзор)**

Проблема включения российской экономики в систему мирового хозяйства сложна и многогранна, поскольку включает различные аспекты внешнеэкономических связей: участие в международном разделении труда (МРТ), в развитии научно-технического сотрудничества и производственных связей, в мировом обмене товарами и услугами, в движении капиталов, в системе международных валютно-финансовых отношений. В современных условиях открытие национальной экономики рассматривается как один из важнейших факторов ее успешного социально-экономического развития. Однако в 90-х годах позиции России в мировой экономике были значительно ослаблены, что было во многом связано с осуществлением радикальных социально-экономических преобразований в стране. Сегодня Россия оказалась по объему производства ВВП на 15-м месте в мире, тогда как в 1980 г. она (а не весь СССР) делила с ФРГ третье место вслед за США и Японией (1, с. 84). По оценкам МВФ, в 1997 г. ВВП России составил 446 млрд. долл. (0,15% мирового), а в 1998 г., по предварительным оценкам, — 329 млрд. долл. (0,11% мирового) (28, с. 34; 139).

Падение доли России в мировом производстве и торговле западные эксперты связывают с неэффективностью проводимых в стране экономических реформ, сопровождавшихся быстрым и чрезмерным открытием национальной экономики внешней конкуренции. Профессор университета Оттавы (Канада) М.Чоссудовски считает, что после окончания холодной войны проведение макроэкономических реформ в бывших социалистических странах, в том числе и в России,

использовалось в качестве средства защиты определенных геополитических интересов. Структурная перестройка в этих странах превратилась в средство разрушения их экономики и демонтажа системы государственных предприятий, что привело к разрушительным экономическим и социальным последствиям (11, с.33). Окончание холодной войны оказало значительное воздействие на распределение доходов в мире. До недавнего времени СССР и другие восточноевропейские страны, подчеркивает М. Чоссудовски, рассматривались как часть развитого Севера, поскольку уровень материального потребления, образования, здравоохранения, научно-технического развития и т.д. в этих странах был сопоставим с соответствующими показателями в государствах ОЭСР. Сегодня Всемирный банк относит обнищавшие в результате инициированных МВФ реформ бывшие соцстраны к “развивающимся экономикам” – наряду с государствами с низкими и средними доходами. По этой классификации Россия следует за Бразилией (11, с.42). Реформы, навязываемые международными финансовыми институтами, способствовали минимизации цены труда в России и других бывших соцстранах. Это способствует значительному сокращению покупательной способности населения и ограничивает тем самым расширение потребительского рынка, что, в свою очередь, тормозит развитие производства, приводит к закрытию предприятий и массовым банкротствам. Подрыв или уничтожение внутренней производственной базы реформируемых стран позволяет ТНК и другим компаниям западных стран уничтожать потенциальных конкурентов и расширять свои рынки сбыта.

Иллюстрацией к этим положениям канадского профессора могут служить данные, которые приводит в своей статье французский исследователь Ф.Жиру, который, отмечая значительный рост импорта сельскохозяйственных продуктов, свидетельствующий об открытии российской экономики, указывает на разрушение отраслей промышленности, производящих сельскохозяйственное оборудование и минеральные удобрения. В 1994-1997 гг. российский импорт замороженного мяса из-за пределов стран СНГ возрос с 358 тыс. т до 694 тыс. т, замороженной птицы – с 496 тыс. до 1117 тыс. т, сахара-сырца – с 1081 тыс. до 2511 тыс. т (15, с. 51). В 1990-1997 гг. производство тракторов в России упало на 84%, зерновых комбайнов – на 97%, минеральных удобрений – на 85%. Все это не могло

не сказаться на состоянии технической базы сельского хозяйства и его продуктивности. Сегодня в России на каждый трактор приходится 144 га, тогда как в США – 33 га и в Германии – 5 га (15, с. 51-52).

В результате Россия вынуждена была обратиться к странам Запада за продовольственной и гуманитарной помощью. В январе 1999 г. Россия и ЕС подписали меморандум о взаимопонимании, в соответствии с которым России будет оказана продовольственная помощь поставками пшеницы, риса, порошкового молока и т.д. на общую сумму в 400 млн. евро. Как подчеркивает А.Жиру, за «гуманитарными жестами» в отношении России и других стран, испытывающих трудности с продовольственным обеспечением, США и страны ЕС усматривают для себя возможность избавиться от скопившихся у них излишков сельскохозяйственной продукции и вновь отвоевать рынки, которые сократились в результате кризиса, разразившегося в России в августе 1998 г. «Кроме того, — подчеркивает А. Жиру, — ЕС и особенно США оказывают на Россию определенное давление, чтобы она согласилась на эту помощь, используя с этой целью свое влияние на международные органи-зации, в частности МВФ, от которых зависит Россия» (15, с.53).

Ухудшение экономического положения в России некоторые западные специалисты связывают не с либеральными реформами, а с неэффективной экономической политикой властей. В экономическом провале России, считает профессор университета Париж-Дофин А.Бранде, виноват не либерализм, а установившаяся в стране "экономика разграбления" (12, с. 42). В России, пишет он, было продано все, что можно было продать, и в результате при отсутствии средств для инвестиций огромные суммы денег оказались на индивидуальных счетах швейцарских и кипрских банков. Про-мышленный потенциал страны практически был уничтожен, а объем промышленного производства снижался на 10% в год (12, с. 42).

Ж.Пейрелевад, президент одного из крупнейших французских банков "Креди лионнэ", критикует тех, кто по идеологическим или корпоративным соображениям смешивает либерализм как фактор экономического прогресса с полной свободой движения капиталов в рамках финансовой сферы. Подобное смешение таит в себе смертельную опасность. «В России, например, — подчеркивает Ж.Пейрелевад, — биржевые размещения были свободны, тогда как прямые иностранные инвестиции регулировались: действовать же надо было с точностью до наоборот» (12, с. 44).

Известный американский экономист, профессор экономики и менеджмента Массачусетского технологического института Л.Туроу, рассматривая влияние финансового кризиса 1998 г. в России на мировую экономику, также считает, что российский кризис является не экономическим, а политическим. Вес российской экономики пока невелик: достаточно сказать, что сумма потерь Токийской биржи за последние месяцы превысила валовой внутренний продукт (ВВП) России. Очевидно, подчеркивает Л. Туроу, только боязнь атомного арсенала, находящегося в руках не заслуживающих доверия людей, заставляет Запад преувеличивать опасность ухудшения экономической ситуации в России. Сегодня Россия находится на полпути между рыночной и плановой экономикой, причем ни одна из них не работает. Для того чтобы работал капитализм, нужно знать, кто и чем владеет. «Однако сегодня, — заключает Л.Туроу, — идти назад труднее, чем вперед и потому Россия не имеет иного выбора, как двигаться по намеченному пути. Весь вопрос заключается в том, чтобы знать, как и когда» (26, с. 102).

Место России в системе международной торговли

Ослабление позиций России в мировой торговле можно проиллюстрировать следующими данными: если в 80-х годах доля бывшего СССР в мировом экспорте составляла около 3,5% (а Россия занимала ведущие позиции в экспорте СССР), то в 1997 г., по данным МВФ, доля России в мировом экспорте составила всего 1,3% (88,7 млрд. долл. из 6800 млрд.), а в 1998-1999 гг., по предварительным оценкам, снизится до 1% (28, с. 34; 168). Поскольку почти 80% российского экспорта приходится на долю нефти, газа и других сырьевых товаров, экспортные доходы страны во многом зависят от мировых цен на сырье, подверженных в последние годы значительным колебаниям. Так, по мнению экспертов ООН, авторов доклада о состоянии мировой экономики в 1998 г., экспортные доходы России не могут в должной мере способствовать повышению темпов экономического роста, так как экспорт состоит в основном из сырьевых товаров, мировые цены на которые в течение последних лет удерживались на низком уровне (25, с. 31). По словам В.Андрефа, профессора университета Париж-1, такая структура внешней торговли уподобляет Россию, как и другие государства СНГ, развивающимся странам — моноэкспортерам, что

создает для них угрозу надолго остаться на периферии Европы и мирового хозяйства в целом (6, с. 45-46).

В 1998 г., вследствие обострения финансового кризиса, впервые с 1993 г. произошло существенное сокращение объема внешней торговли России. Расширению российского экспорта препятствуют меры, введенные во многих странах. Так, в ЕС на российский экспорт текстиля действовало более 30 различного рода квот. Они были отменены только в июле 1998 г. в результате переговоров между ЕС и Россией, которые велись с 1995 г.

Улучшение внешнеторговых позиций страны требует осуществления целого комплекса мер, в том числе по регулированию внешнеэкономических связей в интересах отечественных товаропроизводителей. Однако попытки некоторых стран, в том числе и России, защитить свои внутренние рынки и предприятия от агрессивной внешней конкуренции с помощью установления более высоких таможенных барьеров, экспортных пошлин и других мер встречают ожесточенную критику со стороны сторонников свободной торговли. Между тем, как свидетельствует известный экономист и историк П.Бэрош, изучавший развитие мировой экономики с XVI в. до наших дней, ведущие страны Запада приобрели свою экономическую мощь в немалой степени благодаря протекционизму (8, с. 63). Так, в 1875 г. в США таможенные тарифы на импорт промышленных товаров достигали 40-50% против 9-12% в странах Европы (там же, с. 63).

И сегодня многие страны сохраняют те или иные формы защиты национальных производителей. Как пишет французский профессор Ж.Азулай, развитые страны смогли достичь впечатляющих успехов в развитии сельскохозяйственного производства благодаря политике государственной поддержки сельского хозяйства. В 1980-1990 гг. в странах ОЭСР сумма субсидий сельскохозяйственному производству возросла с 99 млрд. до 176 млрд. долл. (в среднем на 7,5% в год) (7, с.30). Это значит, что в среднем на каждое хозяйство приходилось 15 тыс. долл. и на гектар обрабатываемой земли – 176 долл. Кроме того, более 38% сельскохозяйственного импорта стран ОЭСР защищено нетарифными барьерами. Тот факт, что развитые страны смогли сконцентрировать в своих руках более 2/3 международной торговли, связан с тем, что либерализация торговли в рамках ГАТТ в области сельскохозяйственной торговли не опиралась на принцип сравнительных издержек.

Одним из факторов, тормозящих расширение российского экспорта, является политика западных стран и международных организаций, которые отказываются признать рыночный характер экономики России. Такое признание влечет за собой отказ от применения в отношении российского экспорта антидемпинговых правил, введенных в прошлом по отношению к странам с «государственной торговлей». Только в 1998 г. Европейская комиссия (ЕК) (исполнительный орган ЕС) согласилась исключить Россию (как и Китай) из списка стран с «государственной торговлей». Этот факт, однако, не является признанием России страной с рыночной экономикой, хотя распространение на Россию общих антидемпинговых правил и процедур ЕС является несомненным прогрессом. Во-первых, антидемпинговые процедуры будут применяться теперь против конкретного предприятия, подозреваемого в экспорте своей продукции по демпинговым ценам, а не против всей отрасли или группы предприятий, производящих такую же продукцию. Во-вторых, затраты, входящие в цену продукции, будут оцениваться не путем сравнения с затратами предприятия, производящего такую же продукцию в стране с рыночной экономикой, а на основе той калькуляции, которую представит подозреваемое в демпинге российское предприятие. Такой подход, безусловно, более благоприятен для российских экспортеров, хотя и повышает их ответственность. Проводя свои расследования, ЕК будет добиваться того, чтобы коммерческая и финансовая документация российских предприятий соответствовала международным стандартам и была более прозрачной.

Полным признанием России страной с рыночной экономикой станет принятие ее в члены Всемирной торговой организации (ВТО), переговоры о котором ведутся в последние годы. Это принятие будет выгодно российским экспортерам, к которым будут применяться обычные антидемпинговые процедуры. Вместе с этим это создаст дополнительные трудности для российских предприятий, работающих на внутренний рынок. Поэтому в ходе переговоров Россия должна добиться для себя права вводить защитные меры для отдельных отраслей экономики, как это делает, например, ЕС в отношении сельского хозяйства.

Иностранные инвестиции в экономику России

Одним из важнейших показателей участия страны в системе мирохозяйственных связей является ее включение в международные потоки капиталов. В табл. 1 представлены данные о прямых инвестициях в странах СНГ, по оценке экспертов ООН.

Таблица 1

Иностранные прямые инвестиции в странах СНГ (в млн.долл.)

Страны	Всего за 1989-1997 гг.	1997 г.	Доля в ВВП (в %) (в 1997 г.)
Россия	9743	3900	0,8
Азербайджан	1983	1006	24,4
Казахстан	4267	1200	5,7
Украина	2096	700	1,4
Остальные страны	1901	Нет данных	Нет данных
ВСЕГО по СНГ	19990	Нет данных	Нет данных

Источник: 25, с. 35.

В 1997 г. доля прямых инвестиций в ВВП России была одной из самых низких в СНГ: ниже она была только у Узбекистана (0,1%) и Белоруссии (0,7%). По оценке экспертов ЕБРР, текущие иностранные прямые инвестиции в СНГ снизились с 7,6 млрд. в 1997 г. до 5,1 млрд. в 1998 г., в том числе в России – с 3,75 млрд. до 1,2 млрд. (3, с. 26). Несмотря на прогнозируемое снижение прямых инвестиций (так, эксперты МВФ считают, что в 1998 г. они снизятся до 800 млн. долл.) (28, с. 34), статистические данные за первую половину 1999 г. показывают, по сравнению с соответствующим периодом 1998 г. объем прямых инвестиций удвоился, что объясняется стремлением ряда крупных иностранных инвесторов закрепиться на российском рынке за счет развития импортозамещающего производства. Эти инвестиции направляются в основном в топливную и пищевую промышленность, сферу торговли и общественного питания. Так, крупная французская группа «Данон», которая до недавнего времени 80% своих продаж в России обеспечивала за счет поставок из-за рубежа, инвестировала 100 млн. долл. в производство йогурта в России, что позволило увеличить его

объем в четыре раза (15, с. 55). По тому же пути пошли и такие известные фирмы, как «Нестле» и «Кэдбери». Показательно и то, что в первой половине 1999 г. доля прямых инвестиций в общих иностранных капиталовложениях в России возросла до 51,57% против 37,1 в 1997 г. и 21,9% в 1998 г. (2, с. 2).

Французские эксперты, характеризуя отношение России к иностранным инвесторам, отмечают, что, хотя в стране постоянно обсуждаются меры по привлечению иностранного капитала, неспособность властей провести налоговую реформу, разработать стабильные законодательные рамки для инвестиционной деятельности и ввести в действие уже принятые законы (например, закон о разделе продукции) ограничивает приток иностранных капиталов. К тому же многие решения, принимаемые на уровне федеральных, региональных и местных властей, часто противоречат друг другу из-за различной интерпретации действующих законов (24, с. 209). Кроме того, в России и других странах СНГ получили широкое развитие такие присущие эпохе первоначального накопления негативные явления, как коррупция и организованная преступность, что значительно снижает доверие иностранных инвесторов и удерживает их от осуществления значительных инвестиций (6, с. 49).

Х. Колер, немецкий экономист, возглавляющий с 23 июля 1998 г. Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), считает, что для России главной проблемой является не отсутствие денег, поскольку миллиарды долларов были переведены из страны за границу, а восстановление доверия инвесторов, в том числе иностранных (17, с. 179). Для этого следует повышать прозрачность рынков, особенно в области ликвидности и международного движения капиталов. Однако, полагает Х. Колер, свободное обращение капиталов следует вводить поэтапно – в зависимости от развития национальной системы центрального банка, создания стабильных и прочных институтов и принятия соответствующих законодательных актов. В этих условиях среднесрочные и долгосрочные перспективы увеличения иностранных прямых инвестиций в России можно считать весьма благоприятными (17, с. 181). Такая оценка обнадеживает, поскольку потребности России в иностранных прямых инвестициях для реконструкции и модернизации производства оцениваются на ближайшие годы в 200 млрд. долл.

Оценка странового риска России

В последнее время понятие странового риска, используемого в операциях иностранных инвесторов, крупных коммерческих банков и международных организаций, значительно расширилось. Как пишет Г. Лонгвиль, ответственный за оценку странового риска в одном из крупнейших французских банков БНП (Banque Nationale de Paris), прежде страновой риск сводился к политическому риску, который, в свою очередь, включал в себя два элемента: риск неплатежа (невыполнения странами своих долговых обязательств в иностранной валюте) и риск невозможности перевода средств за рубеж, связанный с неспособностью центрального банка государства-должника найти необходимую для этого иностранную валюту. Сегодня страновой риск, помимо политического, включает также системные рыночные и кредитные риски, которые связаны не только с "качеством" отдельных партнеров (предприятий, банков и т. д.), но и с макроэкономическими, социальными и политическими условиями в той или иной стране (20, с.290).

В последние годы, продолжает Г. Лонгвиль, уровень системного рыночного риска в странах с переходной экономикой, в том числе в России, значительно повысился под воздействием трех факторов: либерализации международного движения капиталов, интернационализации финансовых потоков и слишком быстрого развития финансовых систем, вследствие чего, например, выпуск государственных займов для покрытия внутреннего государственного долга не сопровождался модернизацией системы аккумуляции сбережений населения. Все это усиливало уязвимость финансовых систем рассматриваемых стран и создавало условия для обострения кризисных явлений, когда иностранные инвесторы под воздействием различных факторов вдруг покидают финансовые рынки этих стран. В целом, заключает Г. Лонгвиль, либерализация внутренней финансовой сферы и финансовых отношений с другими странами может стать серьезным дестабилизирующим фактором, если:

- открытие национальной экономики для внешней конкуренции осуществляется слишком быстро, т. е. значительно опережает темпы структурных преобразований и повышения конкурентоспособности национальной экономики, поскольку в этом случае неизбежно растет дефицит платежного баланса по текущим операциям;

- либерализация валютного контроля опережает оздоровление финансовой системы страны, что чревато значительным ростом внешней задолженности государства и банков в иностранной валюте;

- происходит массированная секьюритизация внутреннего государственного долга (т. е. выпуск долговых обязательств на сумму долга), не соответствующая "поглощающей способности" национального финансового рынка, что неизбежно приводит к росту дефицита государственного бюджета;

- экономическая политика государства не пользуется достаточным доверием у серьезных инвесторов (например, из-за недостаточной информации, коррупции и т. д.), что может вызвать внезапный отток краткосрочных иностранных капиталов (20, с. 293-294).

Таким образом, на уровень системного рыночного или кредитного риска влияют такие факторы, как обменный курс национальной валюты, уровень процентных ставок, темпы инфляции, динамика биржевых цен и др. При этом различное сочетание факторов, которые в отдельности не предвещают ничего плохого, может стать взрывоопасным в одних странах и не принести вреда в других. Несмотря на различия между указанными выше типами рисков, в реальной действительности границы между ними, как правило, размыты, и часто повышение уровня одного риска влечет за собой повышение уровней других рисков. Еще одна особенность последних лет заключается в том, что финансовые кризисы, начавшись в одной из стран, все чаще приобретают региональный характер, как это случилось, например, в 1997 г. в странах Юго-Восточной Азии (ЮВА), а затем могут распространиться и на другие страны.

Как считает Ф.Ремон, генеральный директор Французской компании по страхованию внешней торговли (COFACE), в последнее время в странах с переходной экономикой страновые финансовые риски все чаще проявляются в кризисе биржевых или валютных рынков, оказывая влияние прежде всего на банковскую систему этих стран. Обычно эти кризисы развиваются в следующей последовательности: обострение биржевого кризиса, связанного с оттоком капиталов, обусловленным повышением валютного риска; истощение валютных резервов центрального банка, вынужденного из-за этого повышать процентную ставку; резкое снижение курса национальной валюты; кризис банковской системы, обусловленный ростом задолженности банков в иностранной валюте, убытками от биржевых сделок и операций с недвижимостью,

банкротством клиентов, а также накоплением в балансах банков сомнительных или безнадежных долгов; нарастание трудностей с финансированием предприятий и проектов, долги которых (особенно в иностранной валюте) быстро увеличиваются, что обостряет кризис взаимных неплатежей; общий спад (рецессия) экономики, вызванный повышением процентных ставок, ограничением банковского кредита, мерами бюджетного регулирования, снижением объема инвестиций и спроса (23, с. 305). Такой ход событий почти полностью совпал с тем, что происходило в России во время августовского кризиса 1998 г.

П. Бергер, советник венского Финансового агентства для стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), называет следующие факторы, которые могут вызвать кризис доверия со стороны иностранных инвесторов к странам с переходной экономикой в ближайшие годы (10, с. 15-16):

1. Политические факторы: разногласия внутри правительства или между министерством финансов и центральным банком; недостаточная решимость властей осуществлять структурные преобразования (приватизацию, оздоровление государственных предприятий, модернизацию банковского сектора и др.), которые необходимы для макроэкономической стабилизации и ускорения темпов экономического роста; принятие регулирующих мер, противоречащих принципам рыночной экономики (например, ужесточение валютного контроля).

2. Экономические факторы: быстрый рост дефицита платежного баланса по текущим операциям; замедление темпов экономического роста вследствие недостаточной структурной адаптации экономики (иногда, правда, это замедление может помочь поглотить текущий дефицит платежного баланса); быстрое повышение заработной платы (когда ее темпы превышают темпы роста производительности), усиливающееся инфляционное давление; низкий уровень сбережений населения.

3. Финансовые факторы: слабый контроль над государственными финансами; несоответствующий паритет национальной валюты, создающий у экономических субъектов впечатление о неоправданном завышении ее курса; недостаточно гибкая система валютных курсов; трудности в проведении кредитно-денежной политики; неадекватное регулирование займов и кредитов, предоставляемых нерезидентам в национальной валюте; несовершенное регулирование объема сделок с национальной валютой за рубежом; недостаточный объем валютных

резервов; значительная внешняя задолженность и сумма обслуживания долга; уязвимость банковской системы, связанная с отсутствием независимого органа контроля, недостаточной прозрачностью финансового рынка и т. д.; эффект "заражения", т. е. влияние кризиса в других странах (например, в странах ЮВА) на состояние финансовых рынков.

В январе 1999 г. в Париже состоялся коллоквиум, организованный COFACE и посвященный новым подходам к оценке странового риска, на котором были представлены новые данные, используемые для оценки странового риска России, а также возможное воздействие финансового кризиса России на положение стран Центральной и Восточной Европы. Новый подход к оценке страновых рисков предполагает более тщательную оценку экономического и политического положения в стране, что должно помочь иностранным инвесторам (банкам, предприятиям и международным институтам) точнее оценить эти риски и предусмотреть меры по их предупреждению и смягчению.

Специалисты COFACE попытались определить сильные и слабые стороны российской экономики, которые, по их мнению, следует учитывать при оценке странового риска (24, с. 209). К сильным сторонам российской экономики они относят: наличие значительного экономического, технологического и человеческого потенциала (огромные естественные богатства и рынок, насчитывающий 148 млн. потребителей); поддержку западных стран, направленную на то, чтобы не допустить политического хаоса в стране; проведение реформ, которые, несмотря на их незавершенность, способствуют перестройке российской экономики, ее промышленности и банков. К слабым сторонам российской экономики, по их мнению, относятся: зависимость экспортных доходов от колебаний мировых цен на сырьевые товары, составляющие 80% российского экспорта, что значительно увеличивает потребности в средствах для финансирования российской экономики; отсутствие политического консенсуса относительно дальнейших реформ, разработки необходимых институциональных и юридических рамок, недоверие экономических субъектов, что обуславливает низкий уровень внутренних инвестиций и бегство капиталов из страны; неспособность властей собрать налоги, что провоцирует кризис и ухудшает перспективы экономического развития страны; дальнейшее ухудшение под влиянием кризиса 1998 г. социального положения населения.

В табл. 2 представлены основные показатели, характеризующие развитие российской экономики в 1996-1999 гг., которые, по мнению французских экспертов, необходимо учитывать при оценке риска вложений и осуществления финансовых операций в России. При этом данные за 1998-1999 гг. носят предварительный (оценочный) характер.

Таблица 2

Основные показатели развития российской экономики
в 1996-1999 гг.

Показатели	1996	1997	1998	1999
Темпы экономического роста (%)	- 2,8	0,8	- 3,8	-5,4
Темпы инфляции (%)	47,6	14,6	70,0	100,0
Отношение бюджетного дефицита к ВВП (%)	- 7,7	- 6,5	- 9,0	-2,8
Уровень безработицы (%)	9,3	9,0	12,0	н. д.
Экспорт (в млрд. долл.)	69,9	69,7	60,8	68,1
Импорт (в млрд. долл.)	47,4	52,5	52,8	43,1
Сальдо торгового баланса (в млрд. долл.)	22,5	17,2	8,0	25,0
Сальдо платежного баланса по текущим операциям (в млрд. долл.)	9,5	- 0,1	- 12,5	10,5
Отношение сальдо платежного баланса к ВВП (%)	1,7	0	- 4,8	5,6
Внешняя задолженность (в млрд. долл.)	123,2	164,1	167,1	191,2
Отношение суммы обслуживания долга к сумме экспорта (%)	14,2	16,4	28,5	32,9
Отношение официальных валютных резервов к сумме месячного импорта	2	2,1	0,5	1,7

Источник: 24, с. 208.

Приведенные в табл. 2 данные позволяют экспертам сделать следующие выводы относительно оценки странового риска для России.

1. Финансовый кризис, разразившийся в августе 1998 г., вызвал девальвацию рубля и введение моратория на выплату внешнего долга, что подорвало наметившиеся в 1997 г. позитивные тенденции; экономика вошла в полосу спада, и эффекты политики стабилизации, проводившейся с 1995 г. (в частности, снижение темпов инфляции и обеспечение стабильности рубля), были уничтожены на срок, продолжительность которого невозможно оценить.

2. Слабость государственных финансов усилила недоверие со стороны кредиторов, что привело к накоплению взаимной задолженности и неплатежей. Это, в свою очередь, тормозит развитие долгосрочного кредитования, заставляя экономических субъектов прибегать к краткосрочным заимствованиям по высоким процентным ставкам. В последнее время положение усугубляется падением мировых цен на сырьевые товары, что приводит к ухудшению состояния внешних счетов России.

3. Положительные последствия сокращения стоимости импорта в 1999 г. не будут достаточными для того, чтобы компенсировать растущие масштабы бегства капиталов из страны, что заставит Россию снова прибегать к внешним источникам финансирования, хотя перспективы их использования в нынешних условиях весьма неопределенны.

4. Неопределенность, связанная с медленной разработкой политики стабилизации, что, в свою очередь, обусловлено отсутствием политического консенсуса и доверия со стороны "держателей фондов", затемняет перспективы развития страны, которой, к тому же, предстоят важные избирательные кампании.

В дополнение к этой оценке приводится мнение сотрудников действующего в Москве французского Бюро экономической экспансии об условиях доступа иностранных компаний и инвесторов на рынки России. Они считают, что финансовый кризис 1998 г. усилил социальное неравенство, особенно ухудшив положение среднего класса. Лучшее всего смогли противостоять кризису предприятия экспортных отраслей (нефтедобывающие и др.), а также предприятия с участием иностранного капитала – сферы телекоммуникаций, пищевой и автомобильной промышленности. Доступ иностранных товаров на рынки России, которая стремится стать членом Всемирной торговой организации (ВТО), стал в результате августовского кризиса 1998 г. более трудным. Это, по мнению экспертов, связано не столько с повышением таможенных барьеров и введением импортных квот, сколько с препятствиями административного и регламентирующего характера, в том числе с удлинением сроков таможенного досмотра, более строгой сертификацией товаров и т. д.

Организация, оценивающая международный кредитный риск, — "Credit Risk International" — опирается на показатели, характеризующие уровень социально-экономического развития и емкость российского

рынка (см. табл. 3). Эти показатели сравниваются со средними показателями по странам ЦВЕ и СНГ.

Таблица 3

Основные показатели, характеризующие уровень социально-экономического развития

Показатели	Россия	В среднем по странам ЦВЕ и СНГ
Темпы прироста населения (1996-2010) (%)	- 0,2	0,2
Доля городского населения (%)	76	66
Доля проживающих в городах с численностью населения более 1 млн. (%)	19	18
Доля лиц моложе 15 лет (%)	21,5	20
Средняя продолжительность жизни (кол-во лет)	66	68
Детская смертность на 1000 новорожденных	17	24
Душевое потребление энергии (в тоннах нефтяного эквивалента)	4,1	2,7
Доступ к питьевой воде (% городского населения)	95	96
Численность пациентов на одного врача	222	371
Количество телефонов на 1000 жителей	175	185
Количество автомобилей на 1000 жителей	158	142
Количество компьютеров на 1000 жителей	23,7	17,4
Доля посещающих среднюю школу в соответствующей возрастной группе (%)	87	81
Доля студентов в соответствующей возрастной группе (%)	43	32

Источник: 24, с.209.

По данным английского журнала "Euromoney", в сентябре 1999 г. по уровню надежности как заемщика Россия находилась на 159-м месте среди 180 стран мира. При расчете этого рейтинга учитывались следующие оценки в баллах (в скобке указано максимальное число баллов): отсутствие политического риска в России оценивалось в 4,4 балла (25), экономические достижения – 4,98 (25), объем внешнего долга – 9,46 (10), вероятность дефолта по долгам – 2,09 (10), кредитный рейтинг – 0,21 (10), доступ к банковской системе – 0,14 (5), доступ к

кратко- и среднесрочному финансированию – 1,61 (5), доступ на рынки капитала – 0,13 (5), финансирование торговли с помощью форфетинга – 0 (5) (14, с. 253). Таким образом, Россия набрала всего 23,02 балла из 100 возможных. Для сравнения: первые три места в списке — в качестве самых надежных заемщиков — заняли Люксембург (98,68 баллов), Швейцария (97,79) и Норвегия (94,13).

В последние годы экономика России стала объектом не только прямых и портфельных инвестиций, но и спекулятивных вложений средств, что усилило уязвимость ее финансовой системы перед лицом кризисов, происходящих в других странах и регионах, о чем свидетельствуют события последних лет. Ф.Давид, президент, генеральный директор COFACE, считает, что начавшийся в 1997 г. финансовый кризис в странах ЮВА во многом способствовал "финансовому крушению" России, а затем и ряда других развивающихся стран. В свою очередь, финансовый крах России летом 1998 г. отразился на всех ведущих финансовых рынках мира, включая промышленно развитые страны (13, с. 7). По мнению экспертов ООН, ситуация в российской экономике в 1998 г. является подтверждением того, как действует "эффект заражения" азиатского финансового кризиса, а также недостатков экономической политики, которые ограничивают приток в страну прямых иностранных капиталов и расширение внутренних инвестиций (25, с. 3). Одним из следствий «неумеренного» открытия российской экономики явилась ее долларизация, когда накануне августовского кризиса доллары в обращении составляли, по некоторым оценкам, до 80% суммы рублевой массы в обращении (4, с. 175).

Наибольшее влияние августовский кризис 1998 г. в России оказал на страны СНГ и ЦВЕ. Степень этого влияния на положение стран ЦВЕ зависит не только от уровня развития их торгово-экономических связей с Россией, т.е. от ее доли в экспорте этих стран, но и от таких показателей общеэкономического и структурного характера, как темпы экономического роста в 1998-1999 гг., объемы дефицитов государственного бюджета, торгового и платежного балансов, суммы прямых иностранных инвестиций на одного жителя и т.д. Так, доля экспорта в России в общем экспорте 10 стран ЦВЕ колебалась от 2% у Чехии до 21% у Латвии; темпы экономического роста в 1998 г. колебались от - 4% в Румынии до 8% в Эстонии; сумма бюджетного дефицита – от 2 млрд. долл. в Болгарии до 5,5 млрд. в Румынии (положительное сальдо госбюджета было только у Латвии – 2 млрд. долл.

и у Эстонии – 2,5 млрд.). Максимальная сумма прямых иностранных инвестиций на каждого жителя составляла 1677 долл. (в Венгрии), а минимальная – 151 долл. (в Румынии). Наиболее высоким был у Венгрии и так называемый "балл перехода" к рыночной экономике, рассчитываемый Европейским банком реконструкции и развития и составлявший 30 пунктов, минимальным этот балл был у Румынии (21) (27, с. 181). На основе этих и некоторых других показателей было установлено, что рассматриваемые страны ЦВЕ могут быть расположены в зависимости от степени подверженности их экономики влиянию событий, происходящих в экономическом и финансовом положении России, следующим образом (страны размещаются по мере убывания степени этого влияния): Литва, Латвия, Болгария, Румыния, Словакия, Эстония, Польша, Венгрия, Словения, Чехия.

Августовский кризис в России немедленно сказался на финансовом положении рассматриваемых стран: за первый же месяц после его начала биржевой индекс в Будапеште снизился на 40%, польский злотый обесценился на 8%, официальные резервы Румынии уменьшились на 10% (27, с. 182). Однако в целом это влияние было не столь велико, как об этом можно было думать, судя по первой реакции на события в России. Характерно, что наиболее устойчивыми к такому влиянию оказались страны, которые ведут переговоры о вступлении в Европейский союз и дальше всех продвинулись по пути структурных реформ, включающих приватизацию, консолидацию финансовой системы, совершенствование управления предприятиями, реформу системы социальной защиты.

Что касается влияния российского кризиса на положение других стран, то здесь оценки неоднозначны. Так, Х. Колер пишет, что этот кризис не оказал существенного влияния на экономику Германии и других западноевропейских стран, поскольку Россия занимает незначительное место в их внешнеторговом обороте (в Германии, например, ее доля составляет всего около 2%). Однако для отдельных отраслей немецкой промышленности это влияние было весьма ощутимым: в 1997 г. Германия продала в России автомашин на 2 млрд. марок (при общем экспорте в 3,1 млрд.) и химической продукции – на 1,6 млрд. Для этих отраслей снижение экспорта в Россию в 1998 г. означало существенные потери (17, с. 181). Точно так же значительные убытки понесла и Бразилия, которая экспортирует в Россию 40% растворимого кофе (12, с. 42).

В конце сентября 1998 г. член ЕК Ф. Фишер высказал тревогу по поводу влияния российского кризиса на положение сельскохозяйственных рынков ЕС. Он отметил, что Россия является крупнейшим импортером животноводческой продукции, на долю которого приходится 41% общего экспорта говядины из стран ЕС, 32 — экспорта свинины, 29 — мяса птицы, 38 — масла и 30% — сыра. Сокращение объемов российского импорта может вызвать существенное снижение мировых цен на соответствующую продукцию.

Наибольшую потерю понесли иностранные банки, занимающиеся размещением крупных выпусков акций и других ценных бумаг на международных рынках капитала, ведут высокодоходные, но весьма рискованные спекулятивные операции с валютами и долговыми обязательствами различных стран. По оценке компании "Goldman Sachs", с июня по ноябрь 1998 г., вследствие финансового кризиса в странах ЮВА и России, мировые биржи потеряли от падения курсов 3500 млрд. долл., или 12% мирового ВВП, в том числе около 50% в США, остальные в Европе и странах Азии. В табл. 4 представлены данные о вложениях некоторых крупных западных банков в России, которые чреваты крупными потерями из-за обострения финансового кризиса в этих странах.

Таблица 4

Вложения некоторых крупных банков в России

Банки	Сумма вложений (в млрд. фр.)	Отношение вложений к собственным капиталам банков (в %)
Credit suisse (Швейцария)	13,04	12,2
UBS (Швейцария)	1,77	1,3
JP Morgan (США)	0,96	1,4
Bankers Trust (США)	9,12	6,3
Paribas (Франция)	0,49	0,9
Credit Lyonnais (Франция)	13,8	11,2
Societe generale (Франция)	3,01	4,5
BNP (Франция)	4,29	6,7

Источник: 9, с. 39

Подобные потери ухудшают не только финансовое положение отдельных банков, но и создают серьезную угрозу для устойчивости и стабильности мировой финансовой системы в целом. Не случайно в последние годы многие специалисты, даже либерального направления (например, известный американский либерал Дж. Сакс, бывший советник российского правительства), выступают за регулирование международных финансовых потоков и разработку правил и норм функционирования банков на международном, в том числе региональном, уровне.

Одним из показателей включения России в систему мирохозяйственных связей является рост ее внешней задолженности вследствие всевозрастающего заимствования средств у международных финансовых организаций, коммерческих банков, государств и на международных финансовых рынках. Этот процесс отражает ускорение глобализации финансовой сферы, позволяющей странам широко пользоваться возможностями заимствования средств на международных рынках капиталов. В 1997 г. международные операции по предоставлению средне- и долгосрочных займов (нерезидентам) достигли рекордного уровня в 1200 млрд. долл. Более 80% этих займов и кредитов было получено заемщиками из промышленно развитых стран. Займы частным и государственным заемщикам из развивающихся государств возросли в 1997 г. на 25%, а из стран с переходной экономикой – на 160% (25, с. 83). При этом в 1997 г. 64 эмитента государственных облигаций на общую сумму в 8,6 млрд. долл. находились в состоянии дефолта (тогда как в 1996 г. эти показатели составляли 26 эмитентов и 4 млрд. долл.) (25, с. 84). Таким образом, заимствование средств на международных рынках является распространенной практикой. Все дело в том, в каких объемах и на каких условиях предоставляются эти средства и – главное – как они используются, что в конечном счете определяет возможности их погашения.

До недавнего времени Россия активно прибегала к внешнему заимствованию средств, которые в основном использовались не на финансирование социально-экономического развития страны, а на «латание различных дыр» (в том числе на покрытие дефицитов госбюджета, текущего платежного баланса, погашение накопленного долга и т.д.), а также попросту разбазаривались и расхищались. Так, по оценке М. Кайзера, профессора Бирмингемского университета (Великобритания), в 1998 г. правительство России невольно допустило

дополнительное «бегство» капитала, когда снизило норму обязательных банковских резервов и разрешило банкам приобретать валюту за собственный счет. В результате из первого транша кредитов МВФ в 1998 г. в 4,8 млрд. долл. на офшорных счетах российских банков оказалось 3,8 млрд. (3, с. 27).

Немецкий экономист Р.Ленц приводит данные о чистых трансфертах ресурсов между Россией и за границей в 1994-1997 гг. (см. табл. 5).

Таблица 5

Чистые трансферты финансовых ресурсов между Россией и
заграницей в 1994-1997 гг.
(млрд. долл.)

	1994	1995	1996	1997
Общие переводы России	- 15,7	-0,2	15,6	- 19,1
Трансферты правительства	2,0	- 5,0	- 1,0	- 2,0
Инвестиции в гос. облигации	0	1,4	3,5	12,5
Трансферты российских предприятий	- 13,8	- 8,1	- 22,1	- 22,4
Трансферты российских банков	- 0,6	7,2	1,9	9,8
Другие потоки ресурсов	- 2,6	5,9	5,4	4,9

Источник: 19, с. 249.

Как показывают данные табл. 5, наибольшая часть чистых трансфертов средств за границу связана с деятельностью российских предприятий, которые не только вкладывали свои средства за рубежом в форме прямых и портфельных инвестиций, но и предоставляли коммерческие кредиты иностранным партнерам и не возвращали в Россию большую часть своих экспортных доходов и т.д. Что касается положительного сальдо трансфертов российских банков, то оно связано с их политикой заимствования за границей валютных средств, которые затем использовались для финансирования спекуляций на изменении обменных курсов рубля. В этих данных отражается огромная задолженность ведущих российских банков, что явилось важнейшим фактором их краха. В целом, заключает З.Ленц, интеграция России в международный рынок капитала проявляется в операциях, которые лишь в незначительной степени связаны с деятельностью реального сектора экономики (19, с. 251).

В 1998 г. внешние средства были заимствованы Россией из трех источников: займы международных финансовых организаций – 2061 млн. долл., иностранных государств и коммерческих банков – 903,4 млн., средства от размещения внешних облигационных займов – 4786 млн. долл. (оценки общей суммы внешней задолженности России см. в табл. 2). При этом платежи по внешнему долгу России составили в 1998 г. 9 млрд. долл. и в 1999 г. должны составить 17,5 млрд. долл. Проблемы использования заимствованных средств и их погашения очень остры и

неоднозначны и требуют особого рассмотрения. Уместно, однако, отметить, что, по мнению некоторых российских специалистов, навязанная иностранными кредиторами политика саморазрушения российской экономики привела к тому, что Россия фактически стала нетто-кредитором стран Запада, предоставив им (главным образом США) в общей сложности 150 млрд. долл. в форме вывоза капитала и ввоза иностранной наличной валюты. Эта сумма сопоставима с объемом внешней задолженности России (1, с. 80).

В стратегическом плане Россия нуждается в корректировке политики внешних заимствований, которая должна быть направлена на привлечение прежде всего прямых, а не портфельных или спекулятивных капиталов, а также на разработку долгосрочной программы обслуживания внешнего государственного долга. Как показывает мировой опыт, при этом могут использоваться такие меры, как реструктурирование долга и его перевод в другие виды обязательств (например, конверсия в долгосрочные инвестиции, обмен на обязательства третьих стран, реализация на вторичном рынке и т.д.).

Оценки западными специалистами перспектив развития российской экономики и ее включения в мировое хозяйство довольно противоречивы. Так, И.-М.Лолан, бывший председатель экономического комитета НАТО, называет экономический провал России в числе «трех – четырех кризисов, которые могут изменить мир» (18, с. 32). По его мнению, несмотря на разговоры о реформе, которые ведутся в России более 30 лет, в стране так ничего и не изменилось – ни люди, ни методы, ни промышленные структуры. После 1989 г. страна живет в состоянии полного кризиса, не производя даже того, что потребляет: импортные товары составляют 50% объема потребления домашних хозяйств в среднем по стране и 70% — в Москве (18, с. 36). Импорт финансируется за счет кредитов, предоставляемых МВФ, странами Запада и международными банками. Эти кредиты никогда не будут погашены, так как они «превращаются в дым». Что касается доходов от экспорта нефти, газа и других видов сырья, то они большей частью оседают на счетах в Швейцарии и в других финансовых центрах. Провал рыночной экономики и демократии, заключает И. Лолан, может заставить Россию вернуться к авторитарному режиму, командной экономике и попыткам восстановить границы прежней империи. Это очень опасно, поскольку Россия имеет не менее 17 тыс. ядерных боеголовок и никогда не прекращала производство биохимического оружия (там же). В

противоположность этому мнению известный французский экономист М.Альбер считает, что "в скором времени можно будет наблюдать наступление России, для которой характерна мощная математическая культура и наличие солидного базового образования" (5, с. 19).

Группа французских специалистов под руководством А.Стердиньяка, разработавших прогноз развития мировой экономики до 2005 г. с использованием многонациональной модели МИМОЗА (MIMOSA), пришли к выводу, что в ближайшие годы страны СНГ будут развиваться в основном за счет развития внешней торговли под влиянием все большего открытия их экономики (см. табл. 6).

Таблица 6

Оценка среднегодовых темпов роста стран СНГ
(в процентах)

	1997	1998	1999	2000	2001	2000-2005
Темпы роста ВВП	1,5	2,3	2,6	3,0	3,4	3,7
Темпы роста экспорта	5,1	1,8	2,1	4,8	6,0	5,0
Темпы роста импорта	3,4	-1,6	2,2	5,0	6,0	5,5

Источник: 22, с. 195

Укрепление экспортной базы стран СНГ будет связано в основном с развитием производственных мощностей в добывающей промышленности (в добыче промышленного сырья), в энергетике и сельском хозяйстве. Рост экспортных доходов позволит не только увеличить объем импорта (он будет расти в 2000-2005 гг. на 5,5% в год), но и обновить устаревшие производственные фонды. Это обусловит повышение производительности труда и среднегодовых темпов роста производства стран СНГ в рассматриваемый период до 3,7% в год. В большинстве этих стран иностранных инвесторов должны привлекать такие факторы, как наличие природных ресурсов и квалифицированной рабочей силы, емкий рынок и возможности получения высоких доходов.

Ближе всего к реальному положению дел представляются слова Г.Лонгвиля о том, что "возврат России к регулярному росту, уменьшение структурных диспропорций и восстановление ее нормальных отношений с международным финансовым сообществом займут, вероятно,

несколько лет” (21, с. 15). В.Андрейф прогнозирует, что со временем Россия будет играть роль «экономической державы второго плана», поддерживающей свое развитие в основном за счет асимметричных отношений со своей периферией – остальными странами СНГ (6, с. 53).

Литература

1. Глазьев С. Ю. Макроэкономические приоритеты // Потенциал. – М., 1999. – № 2. – С. 75-85.
2. Иностранные инвестиции в России в первом полугодии 1999 г. // БИКИ. – М., 1999. – 30 окт. — № 122. – С. 2-3.
3. Кайзер М. Пути спасения от постсоветской инфляции и спада // Финансы и развитие. – Нью-Йорк, 1999. – Т. 36, № 2. — С. 24-27.
4. Adler A. Survol geopolitique de l'Europe de l'Est et de la Russie // MOCI. – P., 1999. – № 1374. – P. 174-175.
5. Albert M. Le nouveau systeme-monde // Debat. – P., 1997. – № 97. – P. 4-19
6. Andreff W. Les effets de la mondialisation du capital sur les pays de l'Est // Pensee. – P., 1997. – № 309. – P. 41-60.
7. Azoulay G. Globalisation des echanges et securite alimentaire mondiale a l'horizon 2010 // Rev. Tiers monde. – P., 1998. – Т. 39, N 153. –P. 25-43.
8. Bairoch P. Les paradoxes du libre-echange // Alternatives econ. – P., 1997. – № 144. – P. 63.
9. Banques: Le seisme // Nouvel economiste. – P., 1998. – 10 oct. – № 1112. – P. 34-39.
10. Berger P. PECO: Situation et perspectives economiques et financieres // MOCI. — P., 1998. — № 1320. — P. 12-17.
11. Chossudovski M. The globalisation of poverty: Impacts of IMF a. World bank reform. — L.: Atlantic; Highlands (N.J.) : Zed books, 1997. – 280 p.
12. Crise: Le liberalisme est-il devenu fou? // Express. – P., 1998. – 29 oct. — № 2469. — P. 40-47.
13. David F. La propagation des risques // MOCI. – P., 1999. – № 1374. – P. 7.
14. Daring to hope, fearing the worst // Euromoney. – L., 1999. – № 365. – P. 250-255.
15. Giroux A. L'agriculture russe a l'epreuve de la crise // Courrier des pays de l'Est. – P., 1999. – № 441. – P. 48-68.
16. Huhne C. Apres l'Asie et la Russie, sommes-nous capables de prevoir les crises // Idid. – P. 84-87.
17. Kohler H. La BERD et le chaos russe // Politique intern. – P., 1998. – № 81. – P. 177-183.

18. Laulan Y.-M. Trois ou quatre crises qui peuvent changer le monde // *Defense nat.* – P., 1999. – A. 55, № 1. – P. 32-37.
19. Lenz R. Convertibility of the Rouble: Monetary integration of the Russian Federation // *Intereconomics.* – Hamburg, 1999. – Vol 34, № 5. – P. 241-254.
20. Longueville G. Les nouvelles formes du risque pays // *MOCI.* — P., 1998. – № 1320. — P. 290-296.
21. Longueville G. La transmission internationale des crises // *Ibidem.* 1999. – № 1374. – P. 8-15.
22. La mondialisation: Triomphe et perils: Une projection de l'economie mondiale a l'horizon 2005 // *Rev. de l'OFCE.* – P., 1998. – № 65. – P. 125-195.
23. Rémond Ph. Les nouvelles facettes du risque pays // *MOCI.* — P., 1998. – № 1320. — P. 305-306.
24. Russie: De nombreuses incertitudes // *Ibidem.* 1999. – № 1374. – P. 208 – 209.
25. La situation economique et sociale dans le monde 1998: Tendances et politiques economiques actuelles / *Dep. des affaires econ. et sociales.* – N. Y.: NU, 1998. – XVII, 205 p.
26. Thurow L. Le capitalisme a-t-il avenir? // *Politique intern.* – P., 1998. – № 81. – P. 101-112.
27. Wild G. La crise russe menace-t-elle les pays d'Europe centrale et orientale? // *MOCI.* – P., 1999. – № 1374. – P. 181-183.
28. World economic outlook: A survey by the Staff of the Intern. monetary fund. – Wash.: Intern. monetary fund, 1999. – May. – 1X, 224 p. – (World econ. a. financial surveys).

Л.А. Зубченко